

DOI: 10.17689/psy-2015.1.11

УДК 159.923 (075.8)

Неопределенность самоидентичности: девиантологический конструкт

© 2015 Клейберг Юрий Александрович

доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор
кафедры психологии труда и организационной психологии Московского
государственного областного университета, академик РАЕН, г. Москва,
klab03@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен анализ современной проблемы – психологии неопределенности и личностной идентичности (самоидентичности) в ракурсе девиантологической науки. Дается девиантологический конструкт понятия «неопределенность». Представлена модель субъекта девиантного поведения, стержнем которой является провокативный стимул и установка. Указывается, что самоидентичность реальна, если она подтверждается другими, что она – результат взаимодействия самоидентификации и идентификации другими. Заключается, что ситуации неопределенности часто мотивируют личность на девиантную идентичность, девиантные поступки.

Ключевые слова: неопределенность, самоидентичность, девиантное поведение, девиантологический конструкт.

The Uncertainty of Self-Identity: Deviantological Construct

© 2015 Kleyberg Yuri Alexandrovich

Doctor of Psychology, Doctor of Education, professor of work psychology and organizational psychology at Moscow State Regional University, the Academy of Natural Sciences, Moscow,
klab03@rambler.ru

Annotation. The article presents data on modern problem – the psychology of uncertainty and personal identity (self-identity) from the point of view deviantological science. The analysis of the concept of "uncertainty". Presents the basic outline of the subject of deviant behavior, the core of which is a provocative stimulus. States that self-identity is real, if it is confirmed by others; it is the result of the interaction of self-identification and identification by others. Is that the situation of uncertainty often motivate the person to deviantological identity, deviant acts.

Keywords: uncertainty, self-identity, deviant behavior, deviantological

construct.

Во все исторические времена человек перманентно пребывал как бы в двух «мирах» – все возрастающей *внешней* (социальной, политической, экономической) и *внутренней* (экзистенциальной, ценностно-смысловой, мотивационно-потребностной) ситуативной неопределенности.

Неопределенность существования человека в мире потрясений, изменений и кризисов связана с отсутствием устойчивых, интегрирующих ценностных ориентиров. Человек пребывает в мозаичной, калейдоскопичной, фрагментарной культуре, где потерялась связь поколений, в результате чего деформируются или исчезают ориентиры для формирования самоидентичности, человек перестает чувствовать свою принадлежность определенной культуре. Сама же культура обезличивается, а стремление личности к совершенству – не имеет смысла.

Неопределенность все настойчивее проникает в человеческую жизнь, становится яркой и неотъемлемой ее характеристикой. Понятно, что в ситуации чрезмерных социальных потрясений формирование позитивной самоидентичности затруднительно, если вообще возможно.

Зарубежные исследователи чаще всего под неопределенными ситуациями понимают сложные, незапланированные, противоречивые, имеющие многочисленные объяснения ситуации, включающие в себя несовместимость между двумя знаниями, а также знанием и опытом, знанием и поведением.

Понятие неопределенности сводится к прилагательному *неопределенный* (*прил.* 1. Точно не установленный; 2. *перен.* Не вполне отчетливый, неясный; 3. *перен.* Уклончивый, туманный.) [Ерофеева, 2000, с.254]. Из этого толкования ясно, что в любом варианте употребления слова «неопределенность», оно будет характеризоваться недостаточностью информации, неизвестностью [Дубенцов, 2011, электронный ресурс, дата обращения 03.06.2015], скрытостью и

латентностью. В Оксфордском толковом словаре по психологии находим: «*Неопределенность*» – состояние убеждения, когда человек не вполне убежден, когда он не уверен» [Оксфордский словарь..., 2002]. Как видим, контекст такой трактовки применительно к человеку характеризуется неизвестностью и, стало быть, его несовершенством, даже ущербностью. Но, как известно, все знать невозможно! Поэтому состояние неопределенности всегда сопровождает человека, поскольку сама жизнь непредсказуема, противоречива и неоднозначна.

Понятие «неопределенность» имеет множество толкований. Приведу некоторые из них:

1. Как ситуация с неизвестными переменными [Д.А. Леонтьев]. Относительная неизвестность того, что будет происходить.

2. Как ситуация которая в субъективном осознании индивида строго не детерминирована ни в способах решения, ни в искомом результате [Е.А.Лустина].

3. Как ситуация смыслового абсурда, предполагающая вовлечение испытуемых в деятельность, цель которой им не известна [Н.В. Зоткин].

4. Как ситуация принципиальной неизвестности будущего [Г.М.Льдокова].

5. Как ситуация двойственности, противоречивости и бессвязности поступающей информации [Hallman].

6. Как ситуация характеризующаяся наличием неполной информации относительно происходящего здесь и сейчас в условиях необходимости принятия решения; ситуация, предполагающая неопределенность стимула, и необходимость его вычленения из множества подобных; ситуация непредсказуемости наступления ожидаемого события во времени и связанной с ним технологии поведения [Кринчик, электронный ресурс, дата обращения 04.05.2015].

Тем не менее, на сегодняшний день, к сожалению, существует парадигмальная неопределенность гуманитарных наук, они сами зависли в ситуации неопределенности. Поэтому для решения вопроса научной неопределенности чрезвычайно актуальной является, в частности, постановка девиантологической проблемы личностной неопределенности, попытка создания методологического конструкта.

Психологи утверждают, что сама неопределенность ситуации, в которой оказался современный человек, влечет его на путь девиантности. Человек находится в непрерывном поиске своей идентичности. В поисках позитивной социальной идентичности индивид стремится самоопределиться, обособиться от других, утвердить свою автономность. Как указывают М. Айзенк, П. Брайант, Х. Куликэн и др., личность может иметь несколько идентичностей, но социальная идентичность как совокупность должна быть едина, поскольку восприятие человеком себя в терминах «мы» и «нас» есть переживание себя, «в котором «Я» получает определение в терминах других, существующих вне индивидуального лица» [Айзенк, 2002, с.335].

Поиск самодентичности задается многими факторами: ближайшим социальным окружением, средой обитания, взаимоотношениями, экономикой, политикой, воспитанием, СМИ, влиянием субкультуры, тотальной маргинализацией и т.д., и т.п. Однако влияние этих и других факторов небезобидно для личности и общества в целом. Следствие их влияния – распад системы идентификации, стихийная самоорганизация социума, значительное распространение чувства фрустрации, пессимизма, унижения, беспомощности и незащитности, борьба за выживание граждан страны на фоне богатейших ресурсов страны и небывалой коррупции, хищений, махинаций и взяточничества в среде чиновников, потерявших страх, стыд и совесть.

Все это и многое другое неизбежно приводит к социальному отчуждению, конфликтам, протестам, социальному сиротству и одиночеству,

беспризорничеству и бродяжничеству, маргинализации сознания, а, в конечном счете, – к деградации нации, поведенческим девиациям и насаждению криминальной культуры. А это, в свою очередь, может привести к глобальной социальной и психологической катастрофе – распаду территориальной целостности и самоидентичности России.

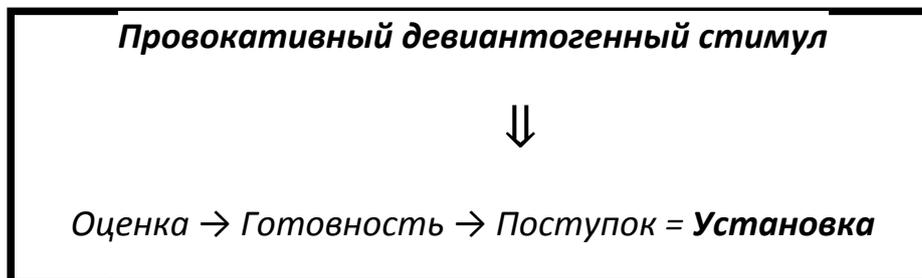
Эти характеристики, к сожалению, присущи современной российской действительности и соответствуют «андерклассу», все более отрывающемуся от магистрального пути развития общества и противостоящему малочисленной богатой элите.

Как было сказано мною выше, состояние неопределенности присуще человеку на протяжении всей его жизни и оно предполагает, несмотря на сложности, жизненные перипетии и риски, – развитие человека, подразумевает творчество, вариативность. Человек творит себя своими поступками. Девиантологической ракурс проблемы показывает, что любой человеческий поступок – это самоопределение – преодоление неопределенности на уровне нравственных и ценностных ориентиров и норм; это всегда – риск [Клейберг, 2014; Клейберг, 1995; Клейберг, 2012]. Идет непрерывный процесс творения человеком себя и своей жизни, «самопознания себя самого-в-самом себе духа» (по Гегелю) в ситуациях неопределенности и риска.

Согласно «Парадоксу Элсберга» (или *нетерпимость неопределенности*), – известные вероятности предпочтительнее неизвестных, риск подразумевает, что вероятности известны и на их основе можно определить его масштабы. В случае неопределенности мы лишены этой информации [Парадокс Элсберга..., электронный ресурс, дата обращения 04.05, 2015].

На основании вышесказанного, представляем теоретическую модель субъекта девиантного поведения, которая имеет следующий вид:

Модель девианта

Как видно, главными компонентами данной модели являются «провокативный девиантогенный стимул» и «установка».

«Провокативный девиантогенный стимул» – все то (вещь, человек, текст, какое-либо событие, социальная среда и т.п.), что способно воздействовать на субъект извне и обладать для него потенциальной значимостью и «призывом» к девиантному действию (совершению поступка). Провокативный девиантогенный стимул с большой долей вероятности детерминирует реакцию субъекта в ситуации неопределенности, в случае его неподверженности каким-либо силам, сдерживающим негативную реакцию (нравственные, религиозные, правовые ограничения, соображения, связанные со здоровьем и пр.).

«Установка». По Д.Н. Узнадзе, установка – это не просто «неосознаваемое», а принципиально бессознательное образование (более того – «нечто третье» по отношению к субъективному и объективному. Такое понимание адекватно также представлениям З. Фрейда о взаимосвязи телесного возбуждения и желания в определении инстинкта: психическая энергия обеспечивает переход объективного в субъективное (желание как врожденная психологическая репрезентация возбуждения телесного источника) и обратный переход (желание как мотив, направляющий поведение к объекту) [Петровский, 2004, с.3-22].

Такой «переход» субъективного в объективное несет в себе, как мне

кажется, конкретный девиантологический смысл, поскольку при таком переходе непременно происходит столкновение индивидуальных репрезентаций, представлений, когниций и т.п. с мотивами, потребностями и, в конечном счете, – установками личности. При этом субъект такого столкновения, выделяя, описывая, познавая реальность, определяет его для себя, как нормальную ситуацию. Тем не менее, эта «нормальная» ситуация способствует порождению девиантогенной идентичности подростка, вызывает (провоцирует) у него отчуждение, конфликт, девиантное поведение. Этот своеобразный вызов микро,- макро- и мегасоциуму носит, как правило, протестно-агрессивный характер, в результате чего нарушается процесс позитивной идентичности личности, трансформируясь в деструктивную личностную идентичность [Клейберг, 2014; Клейберг, 1995; Клейберг, 2012].

В современных условиях, по сути, происходит криминализация ранее законопослушных граждан, деформация всех форм общественного сознания и особенно правосознания, признание неправовых практик в качестве нормальных способов решения частных проблем. Этот тезис корреспондирует с утверждениями С.К. Нартовой-Бочавер, которая отмечает, что «...ситуация во многом определяет логику поведения человека и меру ответственности за результат его поступка» [Нартова-Бочавер, 2005, с. 312] и Х. Хекхаузена о том, что «особенности ситуации ... в большей степени детерминируют поведение, чем диспозиции субъекта» [Хекхаузен, 2001, с. 58-91].

Таким образом, неопределенность рассматривается и как провоцирующая противоречие между когнициями [Л. Фестингер], и как ситуация, содержащая неожиданные и комплексные стимулы [Д.Е. Берлайн], и как вызывающая субъективное ощущение трудности контроля ситуации [P.Bordia], и как мера ответственности за результаты своих поступков и деятельности [С.К.Нартова-Бочавер], и как индивидуальная сопротивляемость по отношению к окружающему миру [У. Джеймс], и как эмоциональное отражение фрустрации

нахождения обоснованного выбора [А.Н. Поддъяков], и как отражение состояния системы по отношению к «идеальным условиям» [Е.А. Кузьмин], и как «неумелое обращение» с неопределенностью, вызывающей деструктивные эмоционально-поведенческие реакции [О.А. Кондрашихина] др.

Одной из задач психологической науки и практики является создание условий и нахождение способов примирения внутреннего мира человека с его внешним миром. Оба эти мира обладают неопределенностью. При их неизбежном столкновении они резонируют, усиливая трудности жизнедеятельности человека [Дубенцов, 2011]. Работа с неопределенностью на стыке двух миров – объективного и субъективного – сейчас особенно актуальна.

Разделяя точку зрения У. Джеймса на феномен идентичности, замечу, что идентичность – это субъективное состояние соответствия себе, континуальность, созидательность, сопротивляемость «эго» по отношению к окружающему миру. По мнению Джеймса, жизнь нужно строить в активности, созидании и страдании. Если уничтожить или видоизменить один из элементов в этом синтезе, то мы получаем патологическое состояние [Джеймс, 1982]. Однако патологические состояния могут проявляться не только в раздвоении личности, в исчезновении чувства жизни, в потере духовных идеалов, в потере внутренней благодати и мира, но и в девиантных формах социальной патологии (алкоголизм, наркотизм, суицид и др.), а также криминальных проявлениях и др.

Э.Эриксон рассматривал идентичность как сущность индивидуальности человека в контексте общества и требований культуры, выступающей центральным звеном в структуре «Я» [Эриксон, 1996]. Однако для адекватного отношения к другим людям у субъекта этого отношения должен быть сформирован и актуализирован определенный уровень идентичности, благодаря которой человек регулирует свои отношения с окружающей

действительностью с учетом возникшей социальной ситуации.

Как известно, в развитии идентичности З. Фрейд выделял два равнозначных процесса:

Ê *биологический* – когда организм становится иерархической организацией среди живых органических систем в жизненном цикле, и

Ê *социальный* – когда организмы систематизируются в группы, которые географически, исторически и культурно определены [Freud, 1961].

Ê Эти процессы взаимообусловлены и взаимодополняемы.

Самоидентичность имеет реальные очертания, если она оценивается и подтверждается другими. Она – результат взаимодействия самоидентификации и идентификации другими [Руткевич, 1996, с.3-22]. Таким образом, впервые учеными утверждается, что построение идентичности – создание самим человеком модели своего поведения, которая обладает двумя свойствами: а) модель поведения изменчива в течение человеческой жизни и б) является достаточно длительной для исполнения на практике [Эриксон, 1996].

Итак, на разных этапах персоногенеза в эпоху неопределенности самоидентичности, человек сталкивается с множеством ситуаций неопределенности, которые мотивируют его на девиантогенную идентичность, девиантные проявления. Эти ситуации часто являются провоцирующим источником скрытой и явной девиантности личности, девиантной стигматизированной идентичности. Именно такая идентичность нередко служит личности специфической социально-психологической защитной реакцией, гарантирующей сохранность, как это ни странно, его истинной (реальной) идентичности и позволяет расширить свой поведенческий репертуар на фоне недостаточной сформированности социокультурной репрезентации, с одной стороны, и «потребностью избегать угрожающих аспектов реальности» (по М. Rokeach, 1960), – с другой.

Ситуация социальной неопределенности создает общий фон, на котором

происходит девиантогенная социализация молодого поколения. Девиантное поведение при этом становится следствием дефекта ценностной сферы личности, причиной «морального помешательства» (термин Дж.Причарда). Одним из факторов кризиса идентичности выступает дестабилизация ценностно-нормативной сферы, которая является важной характеристикой психологической структуры личности. Подобную позицию разделяют А.В. Серый и М.С. Яницкий. Важно в этой связи то, что «ценности являются не только социальными по своей природе, так как исторически обусловлены, но и индивидуальными, определяя, тем самым, специфическую структуру личности» [Серый, 2004], как бы наполняя ее актуальными личностными смыслами и образуя внутреннее ядро культуры личности, так называемое «культурное ядро личности» (по Э. Фромму).

Аверсивные (неприятные, фрустрирующих условий внешней социальной среды) условия внешней среды, аверсивное отношение социума, напротив, фрустрируя базовые потребности, блокируют процесс идентификации «Я», обедняя при этом систему личностных конструктов. Личностные факторы, определяют социальную установку индивида и задают направленность его деятельности, которая, в свою очередь, обуславливает проявление определенных личностных черт и психологических особенностей, выражающихся в поведении, направленном на взаимодействие с окружающей социальной средой [Серый, 2004, с.176].

Дефицит целенаправленного воспитательного воздействия на молодежь стал главным фактором того, что в современном российском обществе социализация приобретает девиантогенный (криминальный) характер, способствуя закреплению в сознании и поведении молодых людей деструктивных представлений и моделей [Самыгин, 2006, с.440]. Девиантное поведение в условиях социальной неопределенности – это модификация или изменение формы или структуры, образа жизнедеятельности лиц,

объединившихся в группы социального риска и придерживающиеся определенных законов и традиций и имеющие определенные признаки. В подростково-молодежной субкультуре девиантной ориентации благодаря наличию в ней доли романтики, таинственности, необычности, привлекательности, сравнительно легко усваивается специфическая система норм, ценностей, установок. Немаловажную роль играет и то, что данной субкультуре свойственен эпатажный, игровой и эмоциональный характер.

Однако не исключаю, что личностная неопределенность может быть своеобразной формой вытеснения негативных черт характера и установки в сознании человека могут превратиться в позитивные. Как утверждают некоторые психологи (О.А. Кандрашкина, Ю.А. Клейберг), неопределенность обладает большим ресурсом для проявления личностью конструктивной активности. Конструктивная активность в ситуации неопределенности – это способствующая повышению адаптации личности система действий, базисным ресурсом которой является позитивная Я-концепция [Кандрашкина, 2010, с. 38; Клейберг, 2014, с. 180-194].

Таким образом, в конечном счете, как считает А.А. Федоров, не исключен переход от *Homo Sapiens* к *Homo Infinitus*, ведь *infinitus* – это не только неопределенный, но и неограниченный, безграничный [Федоров, 2006, с. 41]. То есть, речь идет о человеке новой социально-психологической формации с неограниченными не только созидательными, но и разрушительными (деструктивными) возможностями. Вопрос только в том, чего в человеке будет больше, что будет доминировать в его сознании и поступках – созидательный или разрушительный мотив, как будет развиваться личностная идентичность и самоидентичность – целостная система самосозидания, – в которой то, как человек конструирует себя в настоящем, выражает преемственность между тем, как он конструировал себя в прошлом, каким он надеется стать в будущем. То есть, как, в результате деятельности и

отношений, изменяя свою систему ценностей и норм, будет изменяться сама личность.

По мере взросления личности, ее ценностно-нормативная система становится уникальной, сохраняя при этом общность с ценностно-нормативными системами других людей. Это и есть закономерный процесс развития личности, который носит динамичный характер, актуализируя поведение личности и делая этот процесс творческо-преобразующим в плане самопознания, самореализации, а значит, – использующий различные формы психологической защиты для преодоления когнитивного диссонанса и фрустрационной напряженности в ситуациях неопределенности на уровне нравственных и ценностных ориентиров и норм.

Литература:

1. Айзенк М. Психология: комплексный подход / М. Айзенк, П. Брайант, Х. Куликэн и др.; под ред. М. Айзенка; пер. с англ. С. Б. Бенидиктова. Минск: Новое знание, 2002. – XVI. С. 335.
2. Джеймс У. Психология личности. Тексты. Москва, 1982. - 312 с.
3. Дубенцов М.И. Категория неопределенности в психологической науке и профессиональном самоопределении личности // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/3078> (дата обращения: 03.06.2015).
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000. - 254 с.
5. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. Монография. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2014. - 233 с.
6. Клейберг Ю.А. Социально-педагогическая коррекция девиантного поведения подростков в сфере досуга: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. - Санкт-Петербург, 1995. - 42 с.
7. Клейберг Ю.А. Толерантность и деструктивная толерантность:

понятие, подходы, типология, характеристика // Общество и право. 2012. № 4 (41). С. 329-334.

8. Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности: Монография. – Москва: Прометей, 2005. – 312 с.

9. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера. Москва: Наука, 2002. - 435 с.

10. Парадокс Эльсберга // Психология. Раздел «Социальная психология. Развитие личности. Саморазвитие» / <http://psixologiya.org/socialnaya/razvitie-lichnosti-samorazvitie/2098-paradoks-elsberga-ili-neterpimost-neopredelennosti.html> (дата обращения 04.05.2015).

11. Петровский В.А. Психология: «непредметность предмета» // Труды Ярославского методологического семинара. Ярославль, 2004. - 248 с.

12. Руткевич А.М. «Психоистория» Э.Г. Эриксона. Москва, 1996. С. 3-22.

13. Самыгин П.С. Девиантное поведение молодежи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.- 440 с.

14. Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А.В. Серый; науч. ред. М.С. Яницкий. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.

15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э.Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

16. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения. Санкт-Петербург: Речь, 2001. - 256 с.

17. Freud S. The Future of one Illusion. N.Y., 1961.

18. <http://ambiguity.ucoz.ru/publ/2-1-0-1> (дата обращения 04.05.2015).

References:

1. Aizenk M. Psihologia: kompleksniy podhod / M. Aizenk, P. Braiant, H. Kuliken I dr.; pod red под ред. М. Aizenka; per. s angl. S. B. Benidiktova. Minsk: Novoe znanie, 2002. – XVI. S. 335.

3. Джеймс У. Психология личности. Тексты. Москва, 1982. - 312 с.

3. Dubencov M.I. Kategorija neopredelennosti v psihologicheskoy nauke I professionalnom samoopredelenii lichnosti // Sovremennye nauchnye issledovaniya I innovacii. 2011. № 6 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/3078> (data obrasheniya: 03.06.2015).

4. Efremova T.F. Noviy slovar russkogo iazika. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy: Moskva: Russky iazik, 2000. - 254 s.

5. Kleyberg Yu.A. Osnovy psihologii deviantnogo povedeniya. Monografiya. Sankt-Peterburg: Alef-Press, 2014. - 233 s.

6. Kleyberg Yu.A. Sotsialno-pedagogicheskaya korrektsiya deviantnogo povedeniya podrostkov v sfere dosuga: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora pedagogicheskikh nauk. - Sankt-Peterburg, 1995. - 42 s.

7. Kleyberg Yu.A. Tolerantnost i destruktivnaya tolerantnost: ponyatie, podhody, tipologiya, harakteristika // Obschestvo i pravo. 2012. # 4 (41). S. 329-334.

8. Nartova-Bochaver S.K. Psihologicheskoe prostranstvo lichnosti: Monografiya. – Moskva: Prometey, 2005. – 312 s.

9. Oksfordskiy tolkovyy slovar po psihologii / Pod red. A. Rebera. Moskva: Nauka, 2002. - 435 s.

10. Paradoks Elsberga // Psihologiya. Razdel «Sotsialnaya psihologiya. Razvitie lichnosti. Samorazvitie» / <http://psixologiya.org/socialnaya/razvitie-lichnosti-samorazvitie/2098-paradoks-elsberga-ili-neterpimost-neopredelennosti.html> (data obrascheniya 04.05.2015).

11. Petrovskiy V.A. Psihologiya: «nepredmetnost predmeta» // Trudy Yaroslavskogo metodologicheskogo seminar. Yaroslavl, 2004. - 248 s.

12. Rutkevich A.M. «Psihoistoriya» E.G. Eriksona. Moskva, 1996. S. 3-22.

13. Samyigin P.S. Deviantnoe povedenie molodezhi. Rostov-na-Donu: Feniks, 2006.- 440 s.

14. Seryiy A.V. Sistema lichnostnykh smyislov: struktura, funktsii, dinamika /

A.V. Seryiy; nauch. red. M.S. Yanitskiy. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004. – 272 s.

15. Erikson E. Identichnost: yunost i krizis: per. s angl. / E.Erikson; obsch. red. i predisl. A.V. Tolstyih. M.: Progress, 1996. – 344 s.

16. Hekhauzen H. Psihologiya motivatsii dostizheniya. Sankt-Peterburg: Rech, 2001. - 256 s.

17. Freud S. The Future of one Illusion. N.Y., 1961.

18. <http://ambiguity.ucoz.ru/publ/2-1-0-1> (дата обращения 04.05.2015).